

Полуденное солнце всё ещё было палящим и жгучим. Омеги, по сравнению с представителями двух других полов, больше заботились о внешности и любили наряжаться.

Светлокожие омеги стояли под солнцем. Их лица были сплошь красными, шеи тоже покраснели. Капли пота обильно текли по щекам, ресницы были мокрыми. Жара накатывала волнами.

Омегам не нужно было часто бегать и маршировать. Максимальное послабление со стороны инструктора было просто стоять смирно.

Даже это было достаточно тяжело для омег, стоявших так долго под палящим солнцем. Двое из них потеряли сознание и были отправлены в лазарет.

Инструктор поправлял их позы:

— Если у вас нет надлежащей физической подготовки, как вы собираетесь служить стране? Если вы не можете вынести немного солнца, о какой выносливости и трудолюбии может идти речь? Вы все — будущее федеральных государственных учреждений, — он сделал паузу и добавил: — Если не хотите, чтобы на вас смотрели свысока, докажите свою состоятельность.

Едва инструктор закончил говорить, как упал ещё один омега.

Не прошло и полдня, а уже трое омег потеряли сознание. Они были в смятении. Инструктор, видя, что молодые, нежные лица охвачены страхом, вздохнул и махнул рукой:

— Перерыв, двадцать минут.

Полчаса строевой подготовки, двадцать минут перерыв. Инструктор, подперев бока, посмотрел на небо, не понимая, зачем этим омегам столько хлопот.

Спина Тун Цинхэ горела. Кожа от шеи до воротника была горячей и чесалась. Он только подошёл к тени дерева, как увидел неподалёку высокую, прямую фигуру в тёмно-зелёной униформе.

Цзян Шаочжи поднял руку, и Тун Цинхэ побежал к нему.

Это движение привлекло внимание некоторых омег, которые не могли не проявить любопытства. В тренировочную зону омег не разрешалось входить посторонним. Появившаяся высокая фигура явно была альфой, в специальной тренировочной форме, да ещё и из соседней тренировочной зоны.

Цзян Шаочжи подхватил покачнувшееся тело Тун Цинхэ:

— Сколько времени на отдых?

Тун Цинхэ запыхался:

— Двадцать минут. — Он увидел в руке Цзян Шаочжи воду и какой-то пакет.

Пот струился по его ресницам. Цзян Шаочжи, не говоря ни слова, отвёл Тун Цинхэ в укромное место и сразу же поднял его на спину.

Тун Цинхэ удивлённо воскликнул:

— Дядя!

Цзян Шаочжи сказал:

— Пойдём тебя умыть.

Тёмно-зелёная тренировочная форма альфы пахла землёй. Козырёк кепки был мокрым от пота. Тун Цинхэ прижался к широкой, тёплой спине. Солнце светило. Слабый аромат сандала, витавший у его носа, смешался с сухим запахом солнца. Это было невероятно приятно.

Цзян Шаочжи быстро и уверенно довёл Тун Цинхэ до отдалённой ванной. Внутри никого не было. Он опустил своего омегу на пол. Маленькая голова Тун Цинхэ, опьянённая сандалом, смешанным с солнцем, кружилась. Едва его ноги коснулись земли, как он снова оказался в воздухе. Цзян Шаочжи посадил его на раковину.

Цзян Шаочжи достал охлаждённую воду, открутил крышку и поднёс горлышко к губам маленького омеги. Он медленно напоил его несколькими глотками, затем дал Тун Цинхэ держать бутылку самому, а сам занялся вторым пакетом.

Тун Цинхэ с любопытством спросил:

— Что это?

Коробка открылась. В ней были баночки и бутылочки — всё для защиты от солнца и ухода за кожей. Перед выходом из общежития Тун Цинхэ видел, как его соседи по комнате мажут этим, глядя в зеркало. Он поджал губы. Пять пальцев, лежавшие на руке Цзян Шаочжи, слегка потянули его. Цзян Шаочжи приподнял его воротник, коснулся его покрасневшей, горячей кожи. Его брови сильно сошлись:

— То, что есть у других, будет и у моего малыша.

Тун Цинхэ покачал головой:

— Не нужно так преувеличивать.

Цзян Шаочжи промолчал. Его омега, с такой нежной кожей, если он будет загорать несколько

дней, он, вероятно, получит повреждения и солнечные ожоги.

Цзян Шаочжи протёр голую кожу Тун Цинхэ чистой водой. Тонкая талия была туго перетянута поясом. Он ослабил его. Тун Цинхэ вздрогнул, схватившись за одежду на груди Цзян Шаочжи. Его лицо покраснело:

— Что, если нас кто-нибудь увидит?

Сказав это, он всё же не сопротивлялся. Он позволил поднять свою одежду. После обтирания чистой водой он начал наносить содержимое баночек и бутылочек.

Цзян Шаочжи нанёс солнцезащитный крем своему омеге в соответствии с инструкцией, заправил одежду и снова застегнул ремень.

Лицо, шея, руки, спина Тун Цинхэ пахли свежим ароматом. Он наморщил нос. Цзян Шаочжи опередил его, нежно обнял и поцеловал в щёку:

— Ароматный.

Лицо Тун Цинхэ покраснело, сердцебиение участилось. Он неловко сказал:

— Только девушки мажутся этим.

Цзян Шаочжи рассмеялся в ответ:

— Тогда все твои соседи по комнате — девушки?

Внезапно его напряжённое сердце успокоилось. Глаза Тун Цинхэ стали сухими. Он опустил голову и фыркнул, редко проявляя такой характер.

Он не рассказал альфе о том, что случилось только что, и о своём страхе. Взглядом он увидел грязь на штанах Цзян Шаочжи и быстро спрыгнул с раковины, присев на корточки, чтобы помочь стряхнуть её.

Цзян Шаочжи моргнул. Он поднял маленького омегу:

— Не нужно. Я сегодня тренировался целый день. Через некоторое время она снова запачкается.

Ежедневная тренировка Цзян Шаочжи была интенсивной. Одежда на его груди была всё ещё мокрой. Непрерывный жар и пот передавались Тун Цинхэ. Тун Цинхэ внезапно крепко обнял своего альфу, уткнувшись в него головой, словно ласкаясь.

Сердце Цзян Шаочжи растаяло. Он посмотрел на оставшиеся восемь минут, решил поднять

Тун Цинхэ, сам сделал несколько глотков воды, а затем, обняв Тун Цинхэ на раковине, обменялся с ним трёхминутным поцелуем.

Цзян Шаочжи погладил влажные виски Тун Цинхэ:

— Малыш, будь хорошим. Я останусь в военном округе на эти несколько дней. Если что-то случится, можешь прийти ко мне. Просто скажи, что ты ищешь Цзян-дуй, и никто не остановит.

Тун Цинхэ угрюмо ответил:

— Другие будут смеяться надо мной.

Цзян Шаочжи вытащил его голову из своей груди:

— Никто не посмеет смеяться. — Он погладил уголки глаз Тун Цинхэ: — Днём я заберу тебя в столовую.

Цзян Шаочжи сказал:

— Тебе удобно в общежитии? Если нет, можешь остаться со мной.

Цзян Шаочжи всегда жил в отдельной квартире в военном округе. Боясь, что Тун Цинхэ не приспособится, он хотел забрать его к себе.

Кончики пальцев Тун Цинхэ дрогнули. Он тут же покачал головой:

— Всё в порядке. Я должен научиться общаться с другими. Не могу же я вечно полагаться на вас.

Раньше это была Тун Яо, теперь его альфа. Он не мог всю жизнь прятаться под чьей-то защитой. С тем, с чем нужно столкнуться, он должен научиться справляться сам.

Так он думал. Цзян Шаочжи проводил Тун Цинхэ обратно на тренировочную площадку. Он не хотел расставаться со своим альфой.

Он сказал:

— Я пошёл.

Цзян Шаочжи смотрел ему вслед. Тун Цинхэ сделал два шага, но внезапно вернулся. Он протянул руку, обхватил шею Цзян Шаочжи. На кончиках его ушей, освещённых солнцем, появился слабый румянец.

Взгляд Тун Цинхэ избегал, но затем сфокусировался на суровом лице альфы. Его губы дрожали. Он встал на цыпочки и прошептал на ухо альфы слова, от которых у того закипела кровь:

— Па-папочка, я пошёл...

Тун Цинхэ чуть не прикусил язык. словно паря, он вернулся на тренировочную площадку.

Прошла минута.

Прошло две минуты.

В течение пяти минут Цзян Шаочжи стоял, словно вросший в землю. Он стоял на месте, видимо, вспоминая только что произошедший разговор. Его шея быстро покраснела.

Цзян Шаочжи потрогал горячую шею. Он подумал, что маленький омега научился над ним подшучивать. От таких слов ему захотелось схватить его и утащить обратно.

<http://bllate.org/book/4/92>